

РОССИЙСКАЯ ДИЛЕММА: ИМПЕРИЯ ИЛИ НАЦИЯ-ГОСУДАРСТВО?

В. А. Ачкасов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье отмечается, что называть современную Россию империей (мини-империей) и обвинять ее в возрождении «имперского национализма» и в «имперских амбициях» стало общим местом не только в западной политической публицистике, но и в научной литературе. В то же время и в российской интеллектуальной среде нет согласия по проблеме «Россия — империя или нация-государство?». Однако для большинства исследователей очевидно, что российское государство не ориентировано на продуцирование демократических или гражданских идентичностей. Как следствие, так называемая национальная политика центра в основном воплощается в невольном поощрении и актуализации идентичностей этнических, а также в попытках формирования и поддержания идентичностей, ориентированных на принцип лояльности к государству, точнее к носителям власти (институтам или лицам ее представляющим). Автор статьи приходит к выводу о том, что укрепление центральной власти в 2000-е гг. не привело к преодолению патологий государственного устройства России и не создало благоприятных предпосылок для формирования российской нации-согражданства. Главная проблема заключается в практике подмены концепции национального гражданства, постулирующей права и взаимные обязанности, связывающие агентов государства и категорию людей, определяемые исключительно по их принадлежности к государству, концепцией подданства государству, не ассоциирующемуся в российском массовом сознании ни с либеральной демократией, ни с принципом господства права, ни с практической реализацией политических свобод и гражданских прав. Иначе говоря, слово «нация» преимущественно используется в России как синоним подвластного российскому государству населения.

Ключевые слова: Россия, империя, нация, национальное государство, гражданство, этничность, легитимность.

Называть современную Россию (вслед за Советским Союзом и царской Россией) империей (мини-империей) и обвинять ее в возрождении «имперского национализма» и в «имперских амбициях» постепенно стало общим местом не только в западной политической публицистике, но и в научной литературе. «Что касается зарубежных специалистов по России, — пишет В. А. Тишков, — то они в большинстве своем до сих пор предпочитают видеть нашу страну как недосамоопределившуюся многонациональную мини-империю. Иностранских публикаций на тему “новой империи” много. Причем в них обильно цитируются отечественные “империалисты”, а высказывания некоторых политиков преподносятся как официальная позиция государства. Не брезгают зарубежные и отечественные противники самоопределившейся России намеренными упрощениями» (Тишков, 2010, с. 13).

В то же время и в российской интеллектуальной среде нет согласия по этой проблеме. Если в начале 1990-х гг. доминирующим было представление о том, что, «у тех, кто правит империями, не остается другого выхода, кроме как, проведя быстрые и коренные реформы, ликвидировать данную форму государственности» (Березкин, 1991, с. 216), то сегодня уже нет однозначного ответа на вопросы «Является ли Россия империей?» и «Надо ли стремиться к тому, чтобы она стала нацией-государством?».

Ясно заявлена позиция, согласно которой Россия не просто была империей, но и обречена ею оставаться, и тем самым нацию-государство строить не следует. Так, А. Г. Дугин писал по этому поводу еще в 1990-е гг.: «Россия без империи немыслима... Вне империи русские потеряют свою идентичность и исчезнут как нация» (Дугин, 1997).

Сохраняется, хотя становится все более маргинальной, точка зрения, согласно которой «имперскость — этодохлый зверь» (Миллер, 2015, с. 211), поскольку русские «устали от империи». В частности, в книге Е. Т. Гайдара с говорящим названием «Гибель империи. Уроки для современной России» была предпринята, пожалуй, самая весомая попытка задним числом оправдать распад советской империи и доказать его благотворность для современной демократической России (Гайдар, 2006).

В свою очередь, В. и Т. Соловей неоднократно заявляли: «Империя могла существовать только за счет эксплуатации русской этнической субстанции, русские могли получить свободу для национального развития, лишь пожертвовав империей. Реальный выбор состоял в сохранении антирусской империи или же отказе от нее в пользу русского национального государства... Империю мы стряхнули со своих плеч, а потому конституирующаяся Россия должна строить именно нацию-государство, поскольку ничего другого человеческая история просто не знает» (Соловей Т., Соловей В., 2011, с. 445).

Утверждается также, что России следует поискать какую-то принципиально новую конструкцию государственности, поскольку традиционная форма империи (как, впрочем, и форма нации-государства) устарела.

В то же время в отечественном научном сообществе имеется представление, опирающееся на авторитет и научный вес академика В. А. Тишкова, о том, что российская нация существует со времен Петра Великого, а современная Россия — это «нация наций», просто большинство этого не понимает или не хочет признать (Тишков, 2011).

Говорят и о том, что «только после революции 1905 г. в России началось строительство основ национального государства, оборванное мировой войной и захватом власти большевиками, восстановившими в новом обличье все ту же надзаконную структуру власти. От этого многовекового наследства мы не избавились и по сей день» (Сергеев, 2017, с. 14).

Наконец, существует позиция, согласно которой «Россия сегодня — это и остаточная империя, и разделенная, но при этом еще окончательно не сформировавшаяся нация» (Ефременко, 2010, с. 77). Так, согласно мнению Д. Фурмана, «Российская Федерация — и не реальная демократия, и не национальное русское государство. Это остаток, “огрызок” российской и советской империй,

скрепляемый имитирующей демократию авторитарной властью» (Фурман, 2010, с. 35). Или, как утверждает Э. Паин, «Россия беременна нацией, подспудно ее большинство хочет стать нацией, но только не знает какой — этнической или гражданской» (Паин, 2013).

В российских национальных республиках давали и дают свои ответы на данные вопросы. Так, в 1990-е гг. там выходили книги и брошюры, которые создавали и представляли образ страны как «сумерки империи» и призывали «убить империю». Как заявлял в своей нашумевшей книге сторонник полного национального самоопределения Татарстана Р. Хаким, «национальная свобода самоценна, — попытки противопоставить демократию самоопределению народов — всего лишь политическая игра, направленная против свободы под благовидным предлогом борьбы за демократию. Когда есть национальная свобода, государственный строй может быть демократичным или авторитарным, но когда нет свободы, то демократии не может быть в принципе» (Хаким, 1993, с. 37).

В результате, как метко отметил известный российский журналист Л. Панфилов, «и сторонники, и противники Российской империи едины в одном — она жива! Разница лишь в том, что для одних это ответ на один проклятый русский вопрос “кто виноват?”, а для вторых на другой — “что делать?”» (Панфилов, 2013, с. 29). Все вышесказанное наглядно демонстрирует: вопрос отношения к империи и сегодня остается для России крайне важным.

В то же время для большинства исследователей очевидно, что российское посткоммунистическое государство действительно не ориентировано на продуцирование демократических или гражданских идентичностей. Как следствие, так называемая государственная национальная политика центра в основном воплощается в невольном поощрении и актуализации идентичностей этнических, а также в попытках формирования и поддержания идентичностей, ориентированных на принцип лояльности к государству, точнее лояльности к носителям власти (институтам или лицам ее представляющим). Д. Шопфлин называет такой тип идентичности этатистским (Schopflin, 2003, p. 488). Это подтверждают данные социологических исследований. Так, Б. Дубин, опираясь на социологические данные «Левада-Центра», отмечает, что «нынешний российский пассивный и диффузный “национализм большинства” в своей основе — державный (тотальный), а не этнический» (Дубин, 2014, с. 15). Следовательно, в большей мере в российском обществе доминирует идентичность подданства, нежели гражданства, именно поэтому, по нашему мнению, необходимо различать этатистскую (подданническую) и гражданскую национальные идентичности. Другое дело, что идентичности подданства традиционно ассоциируются в России с этнической идентичностью доминирующей русской общности. Отсюда часто звучащие требования к властям — наделить этническое большинство дополнительными статусными преимуществами. Например, в подготовленном в начале нового века проекте закона «О русском народе» в качестве важнейшего рассматривался тезис о признании русских «единственным государствообразующим народом». Эта проблема стала предметом самой оживленной дискуссии и на последнем обсуждении проекта «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» в Москве в ноябре

2012 г. Однако организация общества на основе предоставления особых прав, производных от членства в группе, противоречит идее общества, основанного на равном гражданстве. Так, если термин «государствообразующий народ» используют для определения положения русского народа в современной России, то тем самым возрождают советскую этническую иерархию с наделением каждого народа разными статусом и правами: русский народ имел статус «старшего брата», остальные народы занимали соответствующее, отведенное им место в этой этноиерархии. Как результат, закрепленное в Конституции РФ равноправие всех народов не стало сегодня общепризнанной нормой. С тем, что все граждане России, вне зависимости от национальности, должны обладать равными правами, солидарны только 64 % россиян. Каждый третий (31 %) полагает, что русские должны иметь в России больше прав, чем другие народы. Причем идею привилегированности русских вдвое чаще разделяют сами русские, чем представители других народов (34 % против 15 % в среднем). В целом же 37 % граждан России выступают за то, чтобы русские в Российской Федерации и коренные народы в национальных республиках и округах имели больше прав, чем другие (Хайкин, Бережкова, 2016, с. 105–106). Однако, по справедливому замечанию В. А. Тишкова и Ю. П. Шабаева, «стремление доминирующих групп обеспечивать себе политическое лидерство в процессе нациестроительства, как правило, усиливает попытки этнических элит недоминантных групп использовать этнокультурные (религиозные) и этноязыковые аргументы для защиты своих интересов и способствует росту этнического сепаратизма» (Тишков, Шабаев, 2013, с. 99).

Глава российского государства заявил на заседании «Клуба лидеров»: «У нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма... Это и есть национальная идея. Она не идеологизирована, это не связано с деятельностью какой-то партии или какой-то страты в обществе. Это связано с общим объединяющим началом... И другой идеи мы не придумаем, и придумывать не надо, она есть» (Путин, 2016).

Однако, по мнению внешнего наблюдателя, «гражданский национализм не приветствуется, поскольку режим не поддерживает вовлеченность своих граждан в публичную сферу; этнический национализм рассматривается как угроза единству и стабильности России; государственный национализм, продвигаемый режимом в качестве третьего решения, все в меньшей и меньшей степени соответствует ситуации и не способен привести к консенсусу между государством и гражданами» (Русский национализм..., 2007, с. 68). Действительно, в России существует глубокая государственническая традиция, основанная на укорененном в сознании многих россиян, особенно русских, чувстве верности своему государству. «Поэтому сторонники государственнического, а не этнического подхода к определению нации принадлежат к давней и влиятельной российской традиции... В настоящее время ее поддерживает и российская власть», — отмечает М. Ларюэль (Ларюэль, 2014, с. 68). Как резонно утверждают Т. и В. Соловей, «государственная идентификация (“россиянин”, “гражданин России”) в каком-то смысле есть инобытие русской этнической: русским легче всего дается совмещение государственной (подданической. — В. А.) и этниче-

ской идентичности... Среди русских таких 73 %, среди других национальностей России — 55 %. Легкость совмещения государственной и этнической идентичностей именно для русских объясняется тем, что они составляют этническое большинство страны, ощущают себя ее становым хребтом и чувствуют ответственность за все ее пространство» (Соловей Т., Соловей В., 2011, с. 439–440). Президент Института национальной стратегии М. В. Ремизов замечает в связи с этим: «На протяжении столетий русские строили государство, которое считали своим, но которое не являлось национальным по своей структуре» (Ремизов, 2016, с. 12).

Поэтому вряд ли можно согласиться с Ю. П. Шабаетовым, который заявляет: «Дискутировать по поводу того, существует или не существует российская нация... не имеет смысла, ибо критерием принадлежности к нации является категория гражданства. Если есть граждане, то есть и нация» (Шабаетов, 2011, с. 69). Однако, как пишет американский исследователь Г. Готтлиб, «национальное самосознание часто путают с государственным гражданством. Однако эти понятия как в социопсихологическом, так и в правовом отношении, хотя пересекаются, но отнюдь не тождественны. Утверждение национальной принадлежности — это политический и культурный феномен, в отличие от получения гражданства, которое всегда определяется правовыми нормами» (Готтлиб, 1995, с. 32).

Кроме того, требует доказательства тезис о существовании в России категории граждан, имеющих по отношению к государству не только обязанности, но и права. «Ведь гражданство изначально имело два ракурса бытия: гражданство — это и статус (юридический ракурс), и одновременно участие, членство в жизни политического сообщества (политический и социокультурный ракурсы)» (Полякова, 2013, с. 141). Основные составляющие идеально-типической модели гражданства национального государства — единство места жительства, административного подчинения, демократического участия и общей культурной принадлежности, поскольку современное государство представляет собой «общность людей, которые по этническим, культурным или историческим причинам *хотят управляться* (курсив наш. — В. А.) по одинаковым законам, составлять государство, причем неважно, большое или малое» (Дюркгейм, 1917, с. 28). Легитимность, определяемая как субъективная вера граждан в законность режима, является одним из ведущих условий консолидации гражданской нации. Составляющие легитимности — публичный контроль над властью и равенство политических прав граждан, существование «демоса» с единой политической идентичностью и результативность, понимаемая как удовлетворенность и формулируемыми элитами целями, и результатами политики властей, — становятся ключевыми условиями жизнеспособности наций-согражданств. По мнению канадского политического философа Д. Вэйнстока, принадлежность к нации-согражданству означает «по крайней мере идентификацию с политическим сообществом, к которому индивид принадлежит, и предрасположенность к действию по отношению к своим согражданам, чтобы содействовать стабильности и единству этого сообщества» (Weinstock, 2002, p. 244).

Известный американский политолог С. Верба отмечал в связи с этим: «Если индивидуумы, которые в физическом и юридическом смысле являются членами данной политической системы (т.е. гражданами. — В. А.), не ощущают своей принадлежности к данной системе в психологическом смысле (т.е. когда поддержка не находит выражение в “мы-ощущении”, в идентификации с национальной общностью. — В. А.), возможности упорядоченного изменения системы невелики» (цит. по: Шаран, 1992, с. 160).

Таким образом, способность государства успешно осуществить проект по созданию национальной идентичности связана с легитимностью государства и правящих элит, с их умением мобилизовать на поддержку этого проекта общество. Поэтому формирование гражданской нации и практическая реализация принципа господства права возможны только при условии легитимности государства и носителей государственной власти в глазах большинства членов гражданского сообщества, поскольку «гражданство есть не просто некий правовой статус, определяемый набором прав и обязанностей. Это также и идентичность, выражение чье-либо членства в политическом сообществе» (Т.Х. Маршалл) (цит. по: Кимлика, 2010, с. 414). Само же государство провозглашается «правовой песонификацией нации» (Г.Эсмейн). «Хотя гражданство — понятие юридическое, нравственную силу ему придает соблюдение условия о взаимном внимании, — пишет Пол Коллиер. — Гражданство не сводится ни к праву на получение благ от государства, ни к обязательству уважать закон: в первую очередь человека делает гражданином определенное отношение к другим людям» (Коллиер, 2016, с. 159). Гражданство предполагает наличие у человека чувства солидарности с другими гражданами страны и общих для всех них культурных и исторических ценностей. В свою очередь, как резонно замечает известный британский исследователь Э.Смит, «солидарность гражданства требует общей “гражданской религии”, сформированной из общих мифов, воспоминаний и символов, сообщаемых на стандартном языке через институты образования. Поэтому территориальная нация становится массовым образовательным предприятием. Его целью является культурная однородность» (Smith, 1986, p. 136).

В нашем же Отечестве сегодня, по утверждению А.Миллера, «на первый план выходит проблема единства исторического мифа... поскольку во многих автономных республиках политика памяти находится в кричащем противоречии с задачей формирования общероссийской идентичности. Эта тема политики памяти может стать в ближайшее время полем серьезной политической борьбы» (Миллер, 2015, с. 224).

Таким образом, нация-согражданство понимается как результат гражданско-политического самоопределения людей, обладающих объединяющим «гражданским мифом» и политической субъектностью, в территориальных границах национального государства. Гражданская нация существует «как политическая форма поддержания общей идентичности, распространяющая политические права на все дееспособное население и получающая взамен легитимные возможности его мобилизации» (Политическая идентичность и политика идентичности, 2011, с. 86). В империи же, по мнению многих исследо-

вателей, нет граждан, в ней «нет и не может быть единого общества, нации в гражданском смысле этого понятия... В империи подданные связаны между собой только вертикалью власти. При этом власть препятствует самоорганизации общества, все упорнее заменяя ее сплочением на основе страхов перед врагами внешними и внутренними, т.е. ксенофобией, которая постепенно принимает тотальный характер» (Паин, 2014, с. 50). В. Шнирельман высказывается еще более определенно: «Гражданское общество, в том виде, как оно существует на Западе, в России фактически не сложилось. Не появилось новой гражданской и политической идентичности: как и в советский период, важнейшим стержнем... была и остается этничность» (Шнирельман, 2011, с. 483). При этом чем меньше представители различных групп населения ощущают себя гражданами, тем активнее идет процесс замыкания их в рамках традиционных этнокультурных сообществ.

В то же время Т. и В. Соловей, считающие, в отличие от Э. Паина и многих других либеральных авторов, что империя в современной России разрушена, пишут: «Из необратимого (в силу необратимости эволюции сложных социальных систем) кризиса имперской и мессианской идентичности [русских] еще не следует, что в России формируется политическая, гражданская нация “россиян”. Да, растет число жителей России, идентифицирующих себя как “граждане России”, составляя по данным разных идеологических центров, от 60 до 80 %. Но что это для них значит?

Самоидентификация русских как “граждан России” означает прежде всего формальную связь с государством и идентификацию с территорией постоянного проживания, а не с политическим сообществом — другими такими же гражданами. Иными словами, называя себя “гражданином России”, человек признает, что живет в этой стране и является подданным Кремля, но он вовсе не подразумевает свою принадлежность к политической нации “россиян” — общности, имеющей интегрирующие ценности, интересы и символы. Все это блистательно отсутствует» (Соловей Т., Соловей В., 2011, с. 437).

Поэтому, как представляется, можно утверждать, что укрепление центральной власти в 2000-е гг. не привело к преодолению патологий государственного устройства России, обусловленных сохранением национально-территориальной федерации и редистрибутивной модели отношений между центром и регионами и не создало благоприятных предпосылок для формирования российской нации-согражданства. Главная проблема заключается в практике подмены концепции национального гражданства, постулирующей права и взаимные обязанности, связывающие агентов государства и категорию людей, определяемые исключительно по их принадлежности к государству концепцией подданства государству, не ассоциирующемуся в российском массовом сознании ни с либеральной демократией, ни с принципом господства права, ни с практической реализацией политических свобод и гражданских прав. Иначе говоря, слово «нация» преимущественно используется в России как синоним подвластного российскому государству населения.

Литература

- Березкин Ю. Е. Инки. Исторический опыт империи. Л.: Наука, 1991. 232 с.
- Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.
- Готтлиб Г. Нации без государств // Проблемы Восточной Европы. Вашингтон, 1995. № 43–44. С. 21–36.
- Дубин Б. «Чужие» национализмы и «свои» ксенофобии вчерашних и сегодняшних россиян // Pro et Contra. 2014. № 1–2 (62), январь — апрель. С. 6–18.
- Дугин А. Г. Основы геополитики: геополитическое будущее России. М.: Арктогея, 1997. 608 с.
- Дюркгейм Э. Германия выше всего. Идеология немцев и война. М.: Изд-во препод. Моск. ун-та, 1917. 48 с.
- Ефременко Д. В. Переизобрести Европу — переобразовать Россию // МЕТОД. Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: сб. науч. трудов / редкол.: М. В. Ильин (гл. ред.) и др. М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 54–78.
- Кимлика У. Современная политическая философия. М.: Изд. дом Государственного университета — Высшая школа экономики, 2010. 592 с.
- Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 384 с.
- Ларюэль М. «Русский национализм» как область научных исследований // Pro et Contra. 2014. № 1–2 (62), январь — апрель. С. 54–72.
- Миллер А. И. Политика памяти в России: роль экспертных сообществ // Символическая политика: сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. редкол.: О. Ю. Малинова и др. Вып. 3: Политические функции мифов. М., 2015. С. 210–235.
- Паин Э. Политическая ситуация и общественные настроения в России // Сайт фонда «Либеральная миссия». 2013. URL: <http://www.liberal.ru/articles/6169> (дата обращения: 19.06.2018).
- Паин Э. Ксенофобия и национализм в эпоху российского безвременья // Pro et Contra. 2014. № 1–2, январь — апрель, С. 34–53.
- Панфилов Л. Непредсказуемое прошлое. У современных «царей» — имперские замашки // Аргументы и факты. 2013. № 46. С. 29.
- Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / отв. ред. И. С. Семенов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 208 с.
- Полякова Н. В. Гражданство: новые измерения в условиях глобализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9, № 4. С. 135–142.
- Путин В. В. Патриотизм — «это и есть национальная идея» // ИТАР-ТАСС. 2016. URL: <http://tass.ru/politika/2636647> (дата обращения: 20.02.2018).
- Ремизов М. В. Русские и государство. Национальная идея до и после «крымской весны». М.: Эксмо, 2016. 400 с.
- Русский национализм в политическом пространстве (исследования по национализму в России) / сост. М. Ларюэль. М.: Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук, 2007. 356 с.
- Сергеев С. Русская нация или рассказ об истории ее отсутствия. М.: Центрполиграфмаш, 2017. 575 с.
- Соловей Т., Соловей В. Несостоявшаяся революция: исторические смыслы русского национализма. М.: АСТ: Астрель, 2011. 542 с.
- Тишков В. А. Российский народ: книга для учителя. М.: Просвещение, 2010. 191 с.
- Тишков В. А. Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг. Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2011. 232 с.
- Тишков В. А., Шабаетов Ю. П. Этнополитология: Политические функции этничности: учебник для вузов. 2-е изд. М.: Изд-во Московского ун-та, 2013. 413 с.
- Фурман Д. От Российской империи к русскому демократическому государству // Неприкосновенный запас. 2010. № 5 (73). С. 34–54.

Хайкин С. Р., Бережкова С. Б. Социологический мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений Федерального агентства по делам национальностей // Мониторинг общественного мнения. 2016. № 5 (135), сентябрь — октябрь. С. 97–110.

Хаким Р. Сумерки империи: К вопросу о нации и государстве. Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. 87 с.

Шаббаев Ю. П. Этнический национализм и гражданская нация в современной России // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году: ежегодный доклад / под ред. В. Тишкова, В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 69–83.

Шаран П. Сравнительная политология: в 2 ч. Ч. II. М.: Б. и., 1992. 226 с.

Шнирельман В. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма: в 2 т. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 848 с.

Schopflin G. Identities, Politics, and PostCommunism in Central Europe // Nations and Nationalism. 2003. Vol. 9, no. 4. P. 482–494.

Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford: Blackwell Publ., 1986. 312 p.

Weinstock D. M. Citizenship and Pluralism // The Blackwell Guide to Social and Political Philosophy / R. L. Simon (ed.). Blackwell, Malden, Mass., 2002. 344 p.

Ачкасов Валерий Алексеевич — д-р полит. наук, проф.; val-achkasov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 30 октября 2018 г.;

рекомендована в печать: 1 ноября 2018 г.

Для цитирования: Ачкасов В. А. Российская дилемма: империя или нация-государство? // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2018. Т. 14, № 3. С. 361–371. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.302>

THE RUSSIAN DILEMMA: AN EMPIRE OR A NATION-STATE?

Valery A. Achkasov

Saint Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia; val-achkasov@yandex.ru

The article discusses that denominating modern Russia as an empire (mini-empire) and accusing it of reviving “imperial nationalism” and “imperial ambitions” has become a “commonplace” not only in Western political journalism but also in the scientific literature. At the same time, and in the Russian intellectual environment, there is no agreement on the problem: is Russia an empire or a nation-state? However, for most researchers, it is obvious that the Russian state is not focused on producing democratic or civil identities. As a consequence, the so-called “national policy” of the Center is mainly embodied in involuntary promotion and actualization of ethnic identities, as well as in attempts to form and maintain identities oriented towards the principle of loyalty to the state — more precisely, loyalty to the holders of power (institutions or persons representing it). As a result, the author concludes that the strengthening of the central authority in the 2000s did not lead to overcoming the pathologies of the state system of Russia and did not create favorable prerequisites for the formation of the Russian nation-citizenship. The main problem here lies in the practice of substituting the concept of national citizenship, postulating rights and mutual duties, connecting state agents and the category of people, determined solely by their belonging to the state, the concept of state subjects which are not associated in the Russian mass consciousness either with liberal democracy or with the principle of the rule of law, nor with the practical implementation of political freedoms and civil rights. Given this, the word “nation” is used primarily as a synonym for the population subjected to the Russian government.

Keywords: Russia, empire, nation, national state, citizenship, ethnicity, legitimacy.

References

- Berezkin Yu. E. *Inki. Istoricheskii opyt imperii [The Incas. Historical experience of the empire]*. Leningrad, Science Publ., 1991. 232 p. (In Russian)
- Collier P. *Iskhod: kak migratsiia izmeniaet nash mir [Exodus: How Migration Changes Our World]*. Moscow, Institute of Gaidar Publishing House, 2016. 384 p. (In Russian)
- Dubin B. «Chuzhie» natsionalizmy i «svoi» ksenofobii vcherashnikh i segodniashnikh rossiiian [“Alien” nationalisms and “own” xenophobia of yesterday’s and today’s Russians]. *Pro et Contra*. 2014, no. 1–2 (62), January — April, pp. 6–18. (In Russian)
- Dugin A. G. *Osnovy geopolitiki: geopoliticheskoe budushchee Rossii [The fundamentals of geopolitics: the geopolitical future of Russia]*. Moscow, Arktogeya Publ., 1997. 608 p. (In Russian)
- Durkheim E. *Germaniia vyshe vsego. Ideologiya nemtsev i voina [Germany above all. The ideology of the Germans and the war]*. Moscow, Moscow University Professors Publishing House, 1917. 48 p. (In Russian)
- Efremenko D. V. *Perezibresti Evropu — perevoobrazit’ Rossiuu [To re-invent Europe — to rearrange Russia]*. *METOD. Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin: sb. nauch. trudov [METHOD. Moscow Yearbook of works from social science disciplines. Scientific Works Collection]*. Eds M. V. Ilyin et al. Moscow, INION RAS Publ., 2010, pp. 54–78. (In Russian)
- Furman D. *Ot Rossiiskoi imperii k russkomu demokraticeskomu gosudarstvu [From the Russian Empire to the Russian Democratic State]*. *Neprikosnovennyi zapas [The Inviolable Supply]*. 2010, no. 5 (73), pp. 34–54. (In Russian)
- Gaidar E. T. *Gibel’ imperii. Uroki dlia sovremennoi Rossii [The death of the empire. Lessons for modern Russia]*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 448 p. (In Russian)
- Gottlieb G. *Natsii bez gosudarstv [Nation without States]*. *Problemy Vostochnoi Evropy [Problems of Eastern Europe]*. Washington, 1995, no. 43–44, pp. 21–36. (In Russian)
- Hakim R. *Sumerki imperii: K voprosu o natsii i gosudarstve [Twilight of the Empire: On the Question of the Nation and the State]*. Kazan, Tatar Publishing House, 1993. 87 p. (In Russian)
- Khaikin S. R., Berezhkova S. B. *Sotsiologicheskii monitoring mezhnatsional’nykh i mezhkonfessional’nykh otnoshenii Federal’nogo agentstva po delam natsional’nostei [Sociological monitoring of interethnic and interconfessional relations of the Federal Agency for Nationalities Affairs]*. *Monitoring obshchestvennogo mneniia [Monitoring of public opinion]*. 2016, no. 5 (135), September — October, pp. 97–110. (In Russian)
- Kimlika U. *Sovremennaia politicheskaiia filosofiiia [Modern political philosophy]*. Moscow, State University — Higher School of Economics Publishing House, 2010. 592 p. (In Russian)
- Laruel M. «Russkii natsionalizm» kak oblast’ nauchnykh issledovaniia [“Russian nationalism” as a field of scientific research]. *Pro et Contra*. 2014, no. 1–2 (62), January — April, pp. 54–72. (In Russian)
- Miller A. I. *Politika pamiatii v Rossii: rol’ ekspertnykh soobshchestv [Memory Policy in Russia: The Role of Expert Communities]*. *Simvolicheskaiia politika: sb. nauch. tr. [Symbolic Policy: Scientific Works Collection]*. RAS INION]. Eds O. Yu. Malinova et al. Iss. 3: Political functions of myths. Moscow, 2015, pp. 210–235. (In Russian)
- Pain E. 2013. *Politicheskaiia situatsiia i obshchestvennye nastroiieniia v Rossii [Political situation and public mood in Russia]*. *Sait fonda «Liberal’naia missiia» [Liberal Mission]*. Available at: <http://www.liberal.ru/articles/6169> (accessed: 19.06.2018). (In Russian)
- Pain E. *Ksenofobiiia i natsionalizm v epokhu rossiiskogo bezvremen’ia [Xenophobia and Nationalism in the Age of Russian Timelessness]*. *Pro et Contra*. 2014, no. 1–2, January — April, pp. 34–53. (In Russian)
- Panfilov L. *Nepredskazuemoe proshloe. U sovremennykh «tsarei» — imperskie zamashki [Unpredictable past. Modern “kings” — imperial manners]*. *Argumenty i fakty [Arguments and facts]*. 2013, no. 46, p. 29. (In Russian)
- Politicheskaiia identichnost’ i politika identichnosti: v 2 t. T. 1: Identichnost’ kak kategoriia politicheskoi nauki: slovar’ terminov i poniatii [Political identity and identity policy: in 2 vols. Vol. 1:*

Identity as a category of political science: Dictionary of terms and concepts. Ed. by I. S. Semenenko. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 2011. 208 p. (In Russian)

Polyakova N.V. Grazhdanstvo: novye izmereniia v usloviakh globalizatsii [Citizenship: New Dimensions in the Conditions of Globalization]. *Politicheskaiia ekspertiza: POLITEKS [Political Expertise: POLITEKX]*. 2013, Vol. 9, no. 4, pp. 135–142. (In Russian)

Putin V.V. Patriotizm — «eto i est' natsional'naia ideia» [Patriotism “is the national idea”]. *ITAR-TASS*. Available at: <http://tass.ru/politika/2636647> (accessed: 20.02.2018). (In Russian)

Remizov M.V. *Russkie i gosudarstvo. Natsional'naia ideia do i posle «krymskoi vesny» [The Russians and the State. National idea before and after the “Crimean spring”]*. Moscow, Eksmo Publ., 2016. 400 p. (In Russian)

Russkii natsionalizm v politicheskom prostranstve (issledovaniia po natsionalizmu v Rossii) [Russian nationalism in political space (research on nationalism in Russia)]. Comp. by M. Laruel. Moscow, Franco-Russian Center for Humanitarian and Social Sciences Publ., 2007. 356 p. (In Russian)

Schopflin G. Identities, Politics, and PostCommunism in Central Europe. *Nations and Nationalism*. 2003, vol. 9, no. 4, pp. 482–494.

Sergeev S. *Russkaia natsiia ili rasskaz ob istorii ee otsutstviia [Russian nation or story about the history of its absence]*. Moscow, Tsentrpoligrafmash Publ., 2017. 575 p. (In Russian)

Shabaev Yu.P. Etnicheskii natsionalizm i grazhdanskaia natsiia v sovremennoi Rossii [Ethnic nationalism and the civil nation in modern Russia]. *Etnopoliticheskaiia situatsiia v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh v 2010 godu: ezhegodnyi doklad [Ethnopolitical situation in Russia and neighboring countries in 2010. Annual report]*. Eds V. Tishkov, V. Stepanov. Moscow, IEA RAS Publ., 2011, pp. 69–83. (In Russian)

Sharan P. *Sravnitel'naia politologiya: v 2 ch. Ch. II [Comparative Political Science. In 2 parts. Part II]*. Moscow, 1992. 226 p. (In Russian)

Shnirel'man V. «Porog tolerantsi»: Ideologiya i praktika novogo rasizma: v 2 t. T. 2 [“The Threshold of Tolerance”: Ideology and Practice of New Racism. In 2 vols. Vol. 2]. Moscow, New literary review Publ., 2011. 848 p. (In Russian)

Smith A. D. *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford, Blackwell Publ., 1986. 312 p.

Solovey T., Solovey V. *Nesostoiavshaiasia revoliutsiia: istoricheskie smysly russkogo natsionalizma [The Failed Revolution: Historical Meanings of Russian Nationalism]*. Moscow, AST: Astrel Publ., 2011. 542 p. (In Russian)

Tishkov V.A. *Edinstvo v mnogoobrazii: publikatsii iz zhurnala «Etnopanorama» 1999–2011 gg. [Unity in diversity: publications from the magazine “Ethnopanorama” 1999–2011]*. Orenburg, OGAU Publishing House, 2011. 232 p. (In Russian)

Tishkov V.A. *Rossiiskii narod: kniga dlia uchitelia [The Russian people. A book for teachers]*. Moscow, Prosveschenie Publ., 2010. 191 p. (In Russian)

Tishkov V.A., Shabayev Yu.P. *Etnopolitologiya: Politicheskie funktsii etnichnosti: uchebnik dlia vuzov [Ethnic politics: Political functions of ethnicity. Textbook for high schools]*. 2nd ed. Moscow, Moscow University Publishing House, 2013. 413 p. (In Russian)

Weinstock D. M. Citizenship and Pluralism. *The Blackwell Guide to Social and Political Philosophy*. R. L. Simon (ed.). Blackwell, Malden, Mass., 2002. 344 p.

Received: October 30, 2018

Accepted: November 1, 2018

For citation: Achkasov V.A. The Russian dilemma: an empire or a nation-state? *Political Expertise: POLITEKX*, 2018, vol. 14, no. 3, pp. 361–371. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.302> (In Russian)